

ДОСТОЙНЫЙ ЖЕНИХ

КОМПЛЕКТ
ИЗ 2-Х ТОМОВ

Викрам Сет

Достойный жених:

комплект из 2 томов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74358111

ISBN 978-5-389-34019-0

Аннотация

Современный классик Викрам Сет – настоящий гражданин мира. Родился в Индии, учился в Оксфорде, а также в Стэнфордском университете в Калифорнии, где вместо диссертации по экономике написал свой первый роман «Золотые Ворота» об американских яппи – и это был роман в стихах; более того, от начала до конца написанный онегинской строфой. А через много лет работы вышел и «Достойный жених» – «эпопея, многофигурная, как романы Диккенса или Тrolлопа, и необъятная, как сама Индия» (San Francisco Chronicle), рекордная по многим показателям: самый длинный в истории английской литературы роман, какой удавалось опубликовать одним томом; переводы на три десятка языков и всемирный тираж, достигший 26 миллионов экземпляров.

Действие происходит в вымышленном городе Брахмпур на берегу Ганга вскоре после обретения Индией независимости; госпожа Рупа Мера, выдав замуж старшую дочь Савиту, пытается найти достойного жениха для младшей дочери, студентки Латы, –

а та, как девушка современная, имеет свое мнение на этот счет и склонна слушать не старших, а свое сердце. Теперь ей предстоит выбрать из трех ухажеров – сверстника-студента Кабира, знаменитого поэта Амита и Хареша, восходящей звезды обувного бизнеса... В 2020 году первый канал Би-би-си выпустил по роману мини-сериал, известный по-русски как «Подходящий жених»; постановщиком выступила Мира Наир («Ярмарка тщеславия», «Нью-Йорк, я люблю тебя»), а сценарий написал прославленный Эндрю Дэвис («Отверженные», «Война и мир», «Возвращение в Брайдсхед», «Нортэнгерское аббатство», «Разум и чувства»).

Содержание

Достойный жених. Кн. 1	6
Слова благодарности	11
Часть первая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Викрам Сет

Достойный жених:

комплект из 2 томов

Vikram Seth

A SUITABLE BOY

Copyright © 1993 by Vikram Seth

All rights reserved

© Е. Ю. Калявина, перевод, 2023

© Е. И. Романова, перевод, 2023

© А. М. Олеар, перевод стихов, 2023

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Достойный жених. Кн. 1

Викрам Сет – лучший писатель своего поколения, а «Достойный жених» – не просто один из длинейших романов за всю историю английской литературы, но и один из прекраснейших. Не пожалейте на него времени – и обретете друга на всю жизнь.

The Times

«Достойный жених» – это гимн жизни и любви, виртуозно исполненный на фоне только что получившей независимость Индии. Всем своим величием, безупречной достоверностью роман обязан не столько архивным исследованиям, сколько богатству воображения, инстинктивному знанию человеческого сердца, способного и к жестокости, и к доброте.

Observer

Необъятный и населенный множеством персонажей один другого обаятельнее, «Достойный жених» – это долгое, сладостное, бессонное паломничество к самой жизни. Роман Сета заслуживает того, чтобы вдохновить миллионы долгих счастливых браков и достойных читателей. Привольно раскинувшись на полторы тысячи страниц, книга озаряет Индию подобно солнцу и согревает ее своими ностальгическими лучами. Невозможно представить читателя, который

останется равнодушным.

Guardian

Феномен, уникум, чудо классического повествования в современной оболочке... Трудно поверить, что Викрам Сет – это один человек: с авторитетностью и всезнанием целого комитета он пишет об индийской политике, медицине и юриспруденции, о психологии толпы, обычаях городских и деревенских, одежде, кухне, сельском хозяйстве, погребальных обрядах, крикете и даже о тончайших нюансах производства обуви.

Evening Standard

Викрам Сет вдохновлялся великими романами девятнадцатого века – «Война и мир», «Грозовой перевал», «Ярмарка тщеславия», – и «Достойный жених» не уступает им по глубине и охвату. Это поистине грандиозный труд.

Sunday Times

Скажем спасибо мистеру Сету за это широкоформатное полотно, воскрешающее в нашей памяти тот период, когда целый уклад жизни подошел к концу.

The Hindu

Роман монументальный и в то же время негромкий... Викрам Сет создал удивительнейший из

гибридов – скромный шедевр.

Times Literary Supplement

В этой безмерно радующей читателя книге разворачивается неторопливая панорама полностью достоверной Индии. Каждая деталь хорошо знакома – и в то же время заново прорисована выдающимся художником.

Hindustan Times

Проза невероятного масштаба и достоверности.

Sunday Telegraph

Отдайтесь на волю этого странного, чарующего мира и приготовьтесь унести на крыльях истории. Никто другой из современных авторов не способен подарить читателям столько удовольствия.

Washington Post Book World

Безумно разнообразный, неизменно увлекательный, смешной и грустный одновременно – этот роман оборачивается самым настоящим путешествием в Индию.

Atlantic Monthly

Викрам Сет внушает читателю не просто восторг, а благоговейный трепет. Как будто слушаешь рагу в исполнении непревзойденного мастера.

New York Review of Books

Эпопея, многофигурная, как романы Диккенса или

Троллопа, и необъятная, как сама Индия.

San Francisco Chronicle

Своим западным читателям Сет предлагает кусок жизни настолько толстый и многослойный, насколько вообще способен вписаться в полторы тысячи страниц, с бесконечным разнообразием любовно выписанных деталей.

New York Times Book Review

Роман окутывает вас тихими чарами, и вот вы уже не просто читаете эту книгу, не в силах оторваться, – вы ею дышите.

Newsweek

Редчайшая птица – литературный шедевр, в то же время приятный для чтения и без лишних претензий.

USA Today

Захватывающий роман, сторицей оправдывающий читательские ожидания.

Los Angeles Times

Яркая панорама Индии в середине века, населенная удивительными персонажами – теперь они останутся с вами навсегда, как старые друзья.

People

Огромный, да что там – исчерпывающий роман, который открывает удивительные глубины, а также

бездну юмора и фантазии.

Chicago Tribune

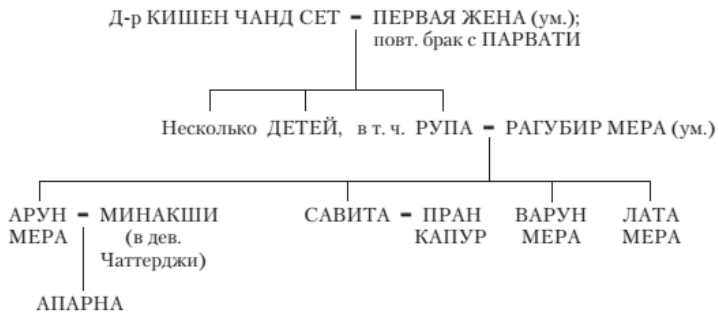
* * *

*Посвящается папе, маме и светлой памяти
Аммы*

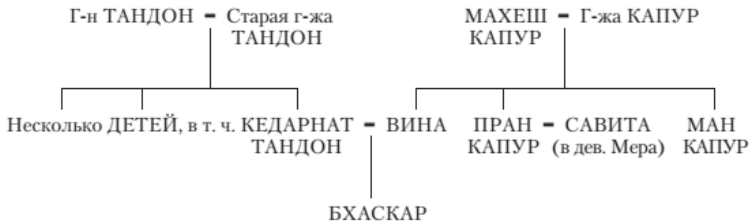
Слова благодарности

Итог: я всем обязан... Музам —
за твердость их и доброту;
семье, которой был в обузу, —
терпела, хоть не вмоготу;
законодателям покойным,
чьи речи крал я, недостойный;
и тем, кому на мозг всем весом
давил я, обуянный бесом;
душе моей немой, что честно
лишь этим вымыслом жила;
тебе, читатель, чьи дела
с моими связаны столь тесно.
Не дрогнет пусть твоя рука
достать монет из кошелька!

МЕРЫ

КАПУРЫ

ХАНЫ

ЧАТТЕРДЖИ

Излишек – вещь крайне необходимая¹.
Вольтер

*Договаривать все до конца – верный способ
наскучить².*
Вольтер

¹ Из сатиры «Светский человек» (1736).

² Из «Стихотворного рассуждения о человеке» (1738).

Часть первая

1.1

– Ты тоже выйдешь замуж за того, кого я тебе выберу, – твердо заявила госпожа Рупа Мера своей младшей дочери.

Лата мысленно ускользнула из-под материнского ига, разглядывая ярко освещенную фонарями лужайку в саду поместья Прем-Нивас, где собрались свадебные гости.

– Угу, – промычала она, чем еще сильнее рассердила мать.

– Никаких «угу», юная леди, слыхала я эти твои «угу» и не собираюсь их терпеть. Я действительно знаю, что для тебя лучше. И сделаю все, что от меня зависит. Как ты думаешь, легко ли мне устроить достойную судьбу всем четверым своим детям, да еще и без Его помощи?

Нос у нее покраснел при мысли о муже, который, без сомнения, разделял с нею нынешнюю радость, взирая на них откуда-то с горних высей. Конечно, госпожа Рупа Мера верила в реинкарнацию, но в минуты исключительного наплыва чувств она воображала, что покойный Рагубир Мера по-прежнему обитает в том привычном облике, в каком она знала его при жизни: крепкий, жизнелюбивый мужчина чуть за сорок. Таким он был еще до того, как в самый разгар Второй мировой изнурительный труд довел его до сердечного приступа. «Восемь лет прошло, уже восемь лет», – с горечью подумала госпожа Рупа Мера.

– Мамочка, ну-ну, не надо плакать, сегодня наша Сави-

та выходит замуж, – сказала Лата, нежно, но не слишком-то участливо обнимая мать за плечи.

– Будь он рядом, я нарядилась бы в шелковое патола-сари³, которое надевала еще на собственную свадьбу, – вздохнула госпожа Рупа Мера, – но вдове не пристало роскошествовать.

– Ма! – Лату всегда немного раздражала излишняя эмоциональность матери по любому поводу. – Люди же смотрят. Они пришли тебя поздравить, и им покажется странным, что ты плачешь в такой день.

Несколько гостей и в самом деле в эту минуту приветствовали госпожу Рупу Меру – творили намасте⁴, улыбались. Сливки брахмпурского общества, как с удовольствием отметила мысленно госпожа Рупа Мера.

– И пусть смотрят! – ответила она с некоторым вызовом, но поспешно промокнула глаза платочком, надушенным одеколоном «4711»⁵. – Пусть думают, что я прослезилась от счастья. Ведь Савита выходит замуж! Все мои заботы и усилия –

³ *Патола-сари* – плетеные сари с двойным икатом, обычно шелковые. Изготавливаются в Патане и относятся к очень изысканному виду одежды, когда-то их носили только члены королевских и аристократических семей. – *Здесь и далее примеч. перев.*

⁴ *Намасте* – индийское приветствие. Представляет собой поклон и жест – соединение ладоней перед собой.

⁵ «4711» – марка одеколона, по сей день выпускаемого немецкой компанией *Mäurer & Wirtz*, один из самых старых парфюмерных брендов, известных во всем мире.

ради вас, но никто этого не ценит. Я выбрала для Савиты такого чудесного юношу, а все только и делают, что жалуются.

Лата припомнила, что из них четверых – двух братьев и двух сестер, только Савита – кроткая, добросердечная, белокожая красавица, ни разу не пожаловалась, безропотно приняв жениха, которого выбрала для нее мать.

– Какой-то он слишком худой, мам, – ляпнула Лата бездумно.

И это еще было мягко сказано. Ее без пяти минут зять Пран Капур был смугл, долговяз, нескладен и страдал астмой.

– Худой? И что же? Все нынче стремятся стать стройнее. Даже мне пришлось поститься весь день, при моем-то диабете! А уж если Савита слова поперек не сказала, то всем прочим тем более стоит порадоваться за нее. Арун и Варун все никак не успокоятся: как это им не дали выбрать жениха для сестрицы? Пран – достойный, добропорядочный, культурный молодой человек и к тому же кхатри⁶.

Никто и не спорил, что тридцатилетний Пран – действительно достойный, культурный и принадлежит к правильной касте. И конечно же, Лате нравился Пран. Как ни странно, она знала его куда лучше, чем ее сестра, – во всяком случае, знакомы они были гораздо дольше. Лата изучала английский

⁶ *Кхатри* – преимущественно индуистская каста торговцев северной Индии и Пакистана, в основном из региона Пенджаб, которая представила много значимых фигур в сикхизме, включая всех сикхских гуру.

язык и литературу в Брахмпурском университете, а Пран Капур был известным тамошним преподавателем. Лата прослушала целый курс его лекций о елизаветинцах⁷, в то время как Савита, его невеста, виделась с ним всего час, да и то в присутствии матери.

– К тому же Савита его откормит, – прибавила госпожа Рупа Мера. – Вот зачем ты все пытаешься омрачить мое счастье? И Савита с Праном будут счастливы – вот увидишь. Они *будут* счастливы, – повторила мать, нажимая на слово «будут». – Благодарю вас! Благодарю вас! – просияла она при виде очередных гостей, подошедших с поздравлениями. – Как чудесно – я мечтала о таком зяте, да еще из прекрасной семьи. Министр-сахиб⁸ был к нам очень добр. И Савита так счастлива. Пожалуйста, угощайтесь, кушайте, прошу: нам приготовили вкуснейший гулаб-джамун⁹, но из-за диабета я и после церемонии его не попробую. Мне даже гаджак¹⁰ нельзя, а перед ним так трудно устоять, особенно зимой. Но кушайте, кушайте, пожалуйста. А мне надо пой-

⁷ *Елизаветинцы* – условный термин, применяемый к английским писателям (прозаикам, поэтам, драматургам) конца XVI – начала XVII в., творившим в периоды царствования королевы Елизаветы I Тюдор (1558–1603) и короля Якова I Стюарта (1603–1625).

⁸ *Сахиб* – уважительное обращение на персидском языке и хинди. Употреблялось как титул, добавляемый к должности или званию.

⁹ *Гулаб-джамун* – в индийской кухне сладкие шарики из сухого молока со щепоткой муки, обжаренные во фритюре из масла гхи и поданные в сахарном сиропе.

¹⁰ *Гаджак* (гачак) – десерт, сладкие козинаки из кунжута и арахиса.

ти проверить, что происходит: время, назначенное пандитам¹¹, приближается, а жениха с невестой что-то не видно!

Она поглядела на Лату и нахмурилась. Да, с младшей дочерью будет не так просто, как со старшей.

– Не забудь, что я тебе сказала, – предостерегла она.

– Угу, – кивнула Лата. – Ма, у тебя платочек торчит из блузки.

– Ох! – спохватилась госпожа Рупа Мера, заталкивая беглеца за ворот. – И скажи Аруну, чтобы он соизволил серьезно относиться к своим обязанностям. А то стоят в углу с *этой* Минакши и болтают со своим недалеким дружком из Калькутты¹². Он должен следить, чтобы все гости ели и пили вдоволь и радовались нашему празднику.

«Этой Минакши» была эффектная жена Аруна и ее собственная нелюбимая невестка. За все четыре года, по мнению госпожи Рупы Меры, Минакши совершила всего один стоящий поступок – родила ее любимую внучку Апарну, которая сейчас была тут как тут и тянула бабушку за шелковое сари кофейного цвета, стараясь привлечь ее внимание. Гос-

¹¹ *Пандит* (ученый, санскр.) – в Индии почетное звание ученого брахмана, а также человека высокообразованного в области классической индийской литературы на санскрите. Брахман, названный пандитом, занимается повседневной религиозной практикой, помогает людям разных каст в изучении религиозных основ индуизма, проведении ритуальных мероприятий, назначении даты свадьбы, момента зачатия ребенка на основе индийской астрологии.

¹² *Калькутта* (с 2001 г. Колката) – город в дельте Ганга на востоке Индии, столица штата Западная Бенгалия, второй по площади город в Индии.

пожа Рупа Мера пришла в восторг. Поцеловав внучку, она сказала:

– Апарна, держись рядом со своей мамочкой или с Латой-буа¹³, иначе потеряешься. Что мы тогда делать будем?

– Можно мне с тобой? – спросила Апарна, которая, как водится, в три года уже имела собственное мнение и собственные предпочтения.

– Солнышко мое, я бы и сама хотела, – сказала госпожа Рупа Мера, – но я должна убедиться, что Савита-буа готова к замужеству. Она уже опаздывает. – Госпожа Рупа Мера снова бросила беспокойный взгляд на золотые часы – самый первый подарок ее мужа, которые за два с половиной десятка лет ни разу не ошиблись ни на секунду.

– Я тоже хочу посмотреть на Савиту-буа! – стояла на своем Апарна.

Госпожа Рупа Мера устало поглядела на Апарну и неопределенно кивнула. Лата подхватила Апарну на руки.

– Когда Савита-буа появится, мы вместе пойдем туда и я подниму тебя повыше, вот так, чтобы тебе было лучше видно. А теперь, может, давай поедим мороженого? Я бы не отказалась.

Апарна затею одобрила, как и большинство Латиных затей. Для мороженого никогда не бывает слишком холодно. Рука об руку трехлетняя и девятнадцатилетняя девочки направились к буфету. По пути на них откуда-то сверху про-

¹³ *Буа* – сестра отца (*хинди*).

сыпалась горсть розовых лепестков.

– Что хорошо для твоей сестры, хорошо и для тебя, – сказала госпожа Рупа Мера Лате, словно делая контрольный выстрел.

– Мы не можем обе выйти за Прана, – засмеялась Лата.

1.2

Еще одним организатором свадьбы был отец жениха – господин Махеш Капур, который являлся министром по налогам и сборам в штате Пурва-Прадеш. Собственно говоря, свадьба и проходила в его большом кремовом двухэтажном особняке Прем-Нивас, выстроенном в форме буквы «С». Этот семейный дом располагался в самом тихом и зеленом жилом районе древнего и по большей части перенаселенного города Брахмпура.

Событие оказалось настолько из ряда вон, что весь Брахмпур день-деньской о нем судачил. Отец госпожи Рупы Меры, в доме которого и должна была проходить свадьба, за две недели до празднества ни с того ни с сего взъярился, запер свой дом и исчез. Госпожа Рупа Мера пришла в отчаяние. Тогда вмешался министр-сахиб («Ваша честь – наша честь») и настоял на том, чтобы лично организовать свадьбу. А что до слухов – министр их просто не замечал.

И речи не могло быть о том, чтобы госпожа Рупа Мера оплачивала свадьбу. Министр-сахиб об этом и слышать не

желал. Не желал он слышать и о приданом. Он был старым другом и партнером по бриджу отца госпожи Рупы Меры, и ему нравилось то, что он видел в ее дочери Савите (хоть министр вечно забывал имя девушки). Он сочувствовал и помогал в трудной финансовой ситуации, ибо знал, что это такое. Во время борьбы за независимость он несколько лет провел в британских тюрьмах, и некому было позаботиться о его ферме или текстильной мануфактуре. В итоге доход от них был чрезвычайно скуден, и его жена и семья оказались в очень стесненном положении.

Те безрадостные времена, однако, остались лишь в воспоминаниях влиятельного, нетерпеливого, могущественного министра. На дворе начиналась зима 1950-го, и вот уже три года, как Индия обрела независимость. Но свобода для страны не означала свободу для Мана – младшего сына министра. Вот и теперь отец внушал ему:

– Что хорошо для твоего брата, то вполне хорошо и для тебя.

– Да, баоджи¹⁴, – с улыбкой отвечал Ман.

А господин Махеш Капур хмурился. Его младший сын, перенявший от него любовь к красивой одежде, не унаследовал отцовской одержимости тяжело трудиться. Не было у него и никаких признаков честолюбия, достойных упоминания.

– Ты не будешь вечно молодым и красивым прожигателем жизни, – говорил его отец. – Женитьба заставит тебя осте-

¹⁴ Баоджи – отец (панджаби).

пениться и стать серьезнее. Я написал людям в Варанаси и ожидаю наиболее выгодных предложений со дня на день.

О женитьбе Ман думал в самую распоследнюю очередь. Он только что поймал в толпе взгляд своего друга и помахал ему. Гирлянды из сотен цветных фонариков, развешанные по оградам, вдруг вспыхнули все разом, и шелковые сари и украшения на женщинах мерцали и переливались все ярче. Шахнай¹⁵ пронзительно и звонко заиграл со всей виртуозностью и блеском. Ман застыл точно замороженный. Он заметил Лату, пробиравшуюся сквозь толпу гостей. Невысокая, не так чтобы очень светлокожая, но довольно привлекательная – овальное личико и застенчивый блеск в карих глазах. А с какой нежностью она держит за руку малышку...

– Да, баоджи, – покорно произнес Ман.

– Повтори, о чем я говорил? – потребовал его отец.

– О женитьбе, баоджи.

– И что именно я говорил о женитьбе?

Ман смешался.

– Да ты не слушал? – рассердился Махеш Капур, ему нестерпимо захотелось открутить Ману ухо. – Ты еще хуже, чем нерадивые клерки в Министерстве по налогам и сборам. Конечно, ты ничего не видел и не слышал, ты же махал Фирозу!

¹⁵ *Шахнай* – деревянно-духовой инструмент, распространенный в северной Индии. Принадлежит к семейству гобоя, используется в религиозных и свадебных церемониях.

Ман глядел пристыженно. Он знал, что думает о нем отец. Ему было так хорошо всего пару мгновений назад, и вот отец взял и разрушил очарование.

– Стало быть, решено, – продолжил отец. – И не говори потом, что я тебя не предупреждал. И не вздумай заставить передумать эту слабовольную женщину – твою мать. Я не хочу, чтобы она ходила за мной и убеждала меня, что ты-де еще не готов брать на себя мужские обязанности.

– Не вздумаю, баоджи, – ответил Ман, дрейфуя по течению событий. Сияние в его глазах слегка померкло.

– Мы выбрали отличного мужа для Вины и прекрасную невесту для Прана, и ты не будешь жаловаться, что *мы* выбрали тебе невесту.

Ман ничего не ответил. Он размышлял над тем, как заштопать дыру в настроении. У него в комнате была припрятана бутылка скотча, и может быть, им с Фирозом удастся ускользнуть на пару минут до – или даже во время – свадебной церемонии, чтобы сделать глоток-другой. Отец вдруг замолчал, одаривая внезапной улыбкой нескольких доброжелателей, затем снова повернулся к Ману:

– Больше я не стану сегодня впустую тратить на тебя свое время. Бог свидетель – у меня и так дел невпроворот. Что случилось с Праном и этой девушкой, не помню, как ее? Они задерживаются. Им уже пять минут назад следовало появиться в противоположных концах зала и встретиться здесь

для джаймалы¹⁶.

– Савита, – подсказал Ман.

– Да-да, – сказал его отец нетерпеливо, – Савита. Твоя суеверная мать начнет паниковать, если они пропустят подходящее расположение звезд. Иди и успокой ее. Ступай! Сделай хоть что-то полезное.

Махеш Капур вернулся к своим обязанностям хозяина. Он нетерпеливо насупил брови и поглядел на одного из церемониальных священников, а тот вяло улыбнулся в ответ. Господин Махеш Капур чудом избежал удара под дых и нокаута в исполнении троицы детишек – отпрысков его деревенской родни, носившихся по саду, словно кони по полю. Не пройдя и десяти шагов, он был немедленно поздравлен профессором литературы (кой мог быть полезен для дальнейшей карьеры Прана), двумя влиятельными членами Законодательного собрания от партии Индийский национальный конгресс (которые могли подсобить ему в нескончаемой борьбе за власть против министра внутренних дел), судьей – последним англичанином, оставшимся в составе Высокого суда Брахмпура после провозглашения Независимости, и своим старым другом навабом-сахибом Байтара, одним из богатейших землевладельцев штата.

¹⁶ *Джаймала* (Вар Мала) – свадебный обряд: жених и невеста обмениваются цветочными гирляндами, что символизирует их объединение.

1.3

Лата, слышавшая обрывок разговора Мана с отцом, не смогла сдержать улыбку, проходя мимо.

– Вы, я вижу, наслаждаетесь вовсю, – сказал ей по-английски Ман.

Его диалог с отцом происходил на хинди, Лата с матерью разговаривали по-английски. Ман хорошо говорил на обоих языках.

Лата смущенно застыла, как порой с ней случалось в присутствии незнакомцев. Особенно тех, кто улыбался так же смело, как Ман. Что ж, пусть улыбается за двоих.

– Да, – ответила она просто, всего на секунду задержав взгляд на его лице. Апарна дернула ее за руку.

– Ну вот, теперь мы почти семья, – сказал Ман, должно быть почувствовав ее неловкость. – Еще каких-нибудь пять минут – и церемония начнется.

– Да, – согласилась Лата, глядя на него снизу вверх, но уже более уверенно. Она помолчала и нахмурилась. – Мама волнуется, что они не начнут вовремя.

– Наш отец тоже, – сказал Ман.

Лата снова заулыбалась, но, когда Ман поинтересовался почему, она лишь покачала головой.

– Что ж, – подытожил Ман, смахивая розовый лепесток

со своего красивого белого ачкана¹⁷, ладно облегающего его стройную фигуру. – Ты ведь не надо мной смеешься?

– Я вообще не смеялась, – ответила Лата.

– Но улыбалась точно.

– Нет, не над тобой, – сказала Лата. – Над собой.

– Это очень загадочно, – сказал Ман, изобразив на добродушном лице крайнее недоумение.

– Боюсь, что так и есть, – сказала Лата, теперь уже смеясь. – Апарна хочет мороженого, и я обязана исполнить ее желание.

– Попробуйте фисташковое, – посоветовал Ман.

Он несколько секунд провожал взглядом ее розовое сари.

«Симпатичная девушка, – снова подумал он. – Розовый, впрочем, не гармонирует с цветом ее кожи. Лучше бы надела темно-зеленый или темно-синий... как у вон той женщины, например». Его внимание переключилось на другой объект созерцания.

Несколько секунд спустя Лата нос к носу столкнулась со своей закадычной подругой Малати, студенткой медфакультета. Они к тому же жили в одной комнате в общежитии. Малати была очень общительной и в разговоре с незнакомцами за словом в карман не лезла. Впрочем, незнакомцы сами зачастую теряли дар речи, едва заглянув в глубину ее зеленых глаз.

– Кто этот кэд, с которым ты сейчас разговаривала? –

¹⁷ Ачкан – длинный сюртук на пуговицах.

немедленно спросила она у Латы.

На самом деле это слово не означало ничего плохого, просто на жаргоне студенток Брахмпурского университета любой красивый парень назывался кэдом. Слово происходило от названия шоколада «Кэдбери»¹⁸.

– А, это просто Ман – младший брат Прана.

– Правда? Но он такой симпатяшка, а Пран... ну... он, конечно, не урод, но... знаешь... он слишком уж темнолицый – и невзрачный совсем.

– Может, он темный кэд, – предположила Лата. – Горький, но питательный.

Малати задумалась.

– И к тому же, – продолжила Лата, – как мои тетки напомнили мне уже раз пять за последний час, я тоже не белоснежка и найти мне идеально подходящего мужа просто невозможно.

– Лата, и как ты их только выносишь? – спросила Малати, которая росла без отца или братьев, зато в окружении очень отзывчивых женщин.

– О, они мне нравятся, большинство из них, – сказала Лата. – И если бы не все эти разговоры, то и свадьба для них – не свадьба вовсе. А уж когда они увидят жениха и невесту вместе, то настанет для них золотая пора. Красавица и Чудовище.

– Ну, он и впрямь смахивал на чудовище всякий раз, как

¹⁸ По-английски слово «cad» означает «негодяй», «подлец» и т. п.

я его встречала в университетском городке, – сказала Малати. – На темного жирафа.

– Какая ты жестокая, – сказала Лата, смеясь. – В любом случае Пран очень популярный преподаватель, – продолжала она. – И мне он нравится. Непременно навести меня, когда я перееду из общежития и поселюсь в его доме. А поскольку он станет моим зятем, тебе придется его принять. Пообещай, что постарайшься его полюбить, как брата.

– Ни за что, – твердо пообещала Малати. – Он отнимает тебя у меня.

– Он тут ни при чем, Малати, – вздохнула Лата. – Это все мама со своей обостренной бережливостью вешает меня ему на шею.

– Ну, я не понимаю, почему ты должна подчиняться своей маме. Скажи ей, что не переживешь разлуки со мной.

– Я всегда подчиняюсь маме, – ответила Лата. – К тому же кто будет платить за мое место в общежитии? А мне тоже очень хочется пожить какое-то время рядом с Савитой. Но и тебя терять я не согласна. Ты непременно должна нас навестить – ты обязана навещать нас. И если не будешь – грош цена твоей дружбе.

Малати секунду-другую казалась совершенно несчастной, но затем ободрилась вновь.

– А это кто? – спросила она.

Апарна воззрилась на нее строго и бескомпромиссно.

– Моя племянка Апарна, – представила ее Лата. – Апар-

на, скажи тете Малати: «Привет!»

– Привет! – сказала Апарна, терпение которой было уже на исходе. – Можно мне фисташковое мороженое? Пожалуйста!

– Конечно, кучук¹⁹, прости, – сказала Лата. – Ну-ка, дайте все вместе пойдем и съедим понемногу.

1.4

Вскоре Лата потеряла из виду Малати, оставшуюся в обществе нескольких друзей из колледжа. Но далеко они с Апарной уйти не успели – были пойманы родителями Апарны.

– Вот ты где, прекрасная маленькая беглянка, – произнесла ослепительная Минакши, запечатлев поцелуй на лбу дочери. – Правда, она прелесть, Арун? Где же ты была, моя милая прогульщица?

– Я ходила искать дади²⁰, – начала Апарна. – И я ее нашла, но ей было нужно идти в дом из-за Савиты-буа, а мне с ней было нельзя. Тогда мы с Латой-буа пошли кушать мороженое, но не смогли, потому что...

Но Минакши уже не слушала ее и повернулась к Лате.

– Честно говоря, розовый не идет тебе, Латс, – сказала Минакши. – Ему не хватает чего-то... чего-то...

¹⁹ *Кучук* – малышка (хинди).

²⁰ *Дади* – бабушка (хинди).

– *Je ne sais quoi?*²¹ – услужливо подсказал друг ее мужа, стоявший рядом.

– Спасибо, – сказала Минакши с таким искусительным обаянием, что молодой человек ненадолго воспарил и сделал вид, что смотрит на звезды. – Нет, розовый – определенно не твой цвет, Латс, – подтвердила Минакши.

Оценивая разглядывая золовку, она томно, по-кошачьи вытягивала свою длинную смуглую шею. Сама она была одета в зеленое с золотом сари из шелка Варанаси и зеленый чоли²², обнажавший гораздо большую часть ее живота, чем брахмпурское общество было достойно или готово узреть.

– О! – только и смогла сказать Лата, внезапно смущаясь. Она знала, что не слишком-то разбирается в нарядах, и решила, что рядом с этой райской птицей выглядит довольно блекло.

– А кто этот парень, с которым ты сейчас разговаривала? – строго спросил Арун, который, в отличие от жены, заметил, что Лата беседовала с Маном.

Двадцатипятилетний Арун был рослым, светлокожим, красивым интеллектуалом-задирой, любившим поставить на место младших сестер и брата, безжалостно мутузя их эго. И с наслаждением неустанно напоминал им, что после смерти отца именно он, фигурально выражаясь, стал для них *in*

²¹ Не знаю чего? (*фр.*)

²² Чоли – короткая блузка, открывающая живот.

*loco parentis*²³.

– Это Ман, младший брат Прана.

– А-а. – В голосе Аруна сквозило неодобрение.

Арун и Минакши этим утром приехали ночным поездом из Калькутты, где Арун был одним из немногих служащих индийского происхождения в преимущественно «белой» фирме «Бентсен и Прайс». У него не было ни времени, ни желания знакомиться с семьей – или, выражаясь его языком, «кланом» Капура, за которого мать сосватала его сестру. Он неодобрительно посмотрел вокруг. «Как обычно, перестарались во всем», – думал он, глядя на цветные огоньки в изгороди. Неотесанность местных политиков, важно расхаживающих в своих белых шапках, и деревенских родственников Махеша Капура вызывала у него презрение. Ни бригадный генерал Брахмпурского военного округа, ни представители крупных компаний Брахмпура, таких как «Бирма Шелл», «Империял табакко» и «Колтекс», не были представлены в толпе приглашенных, и этот вопиющий факт в его глазах не компенсировало даже присутствие большей части профессиональной элиты Брахмпура.

– Похож на прохвоста, я бы сказал, – заметил Арун, от которого не укрылось, что Ман невзначай проследовал глазами за Латой, прежде чем отвлекся на что-то еще.

Лата улыбнулась, и ее кроткий братец Варун, следовавший нервной бледной тенью за Аруном и Минакши, тоже

²³ Вместо родителя (*лат.*).

улыбнулся, точно сдержанный сообщник. Варун изучал, вернее, пытался изучать математику в Калькуттском университете. И жил он с Аруном и Минакши, в их маленькой квартире на цокольном этаже. Долговязый, неуверенный в себе, добросердечный Варун с вечно бегающим взглядом был тем не менее любимцем Латы. Будучи младше Варуна на целый год, сестра тем не менее всегда его защищала. Пугливый Варун многого боялся – и Аруна, и Минакши, и в некотором роде, пожалуй, даже не по годам развитую Апарну. Его увлечение математикой ограничивалось расчетами вероятностей и формул гандикапов²⁴ в скачках. Зимой, с ростом увлеченности Варуна во время гоночного сезона, усиливался и гнев его старшего брата. Арун и его обожал обзывать прохвостом.

«Да что ты знаешь о прохвостах, Арун-бхай?»²⁵ – подумала Лата. Вслух же она сказала:

– Он кажется довольно милым.

– Тетя, которую мы повстречали, назвала его «кэд», – заявила Апарна.

– Прямо так и сказала, родная? – заинтересованно спросила Минакши, – Ну-ка, покажи мне его, Арун.

Но Ман уже исчез из виду.

– В некоторой степени я виню себя, – сказал Арун.

Впрочем, без тени вины в голосе. Арун был просто не спо-

²⁴ *Гандикап* – преимущество в условиях при состязаниях, предоставляемое более слабому сопернику с целью уравновесить шансы на успех.

²⁵ *Бхай* – старший брат (*хинди*).

собен ни в чем себя винить.

– Я действительно должен был что-то сделать, – продолжил он. – Если бы я не был так занят на работе, я мог бы предотвратить это ужасное фиаско. Но как только ма вбила себе в голову, что этот Капур подходит, отговаривать стало бессмысленно. Спорить с мамой бесполезно – тут же включается фонтан слез.

Тот факт, что доктор Пран Капур преподавал английскую литературу, слегка ослаблял предубеждение Аруна. Но, к вящему сожалению старшего сына госпожи Рупы Меры, едва ли в этой толпе провинциалов найдется хоть один англичанин.

– Какая ужасная безвкусица! – устало сказала Минакши себе, кратко выразив мысли супруга. – Совершенно не похоже на Калькутту. Сокровище мое, у тебя носик чумазый, – добавила она Апарне, присматриваясь к воображаемому пятнышку, чтобы стереть его платком.

– А мне здесь нравится, – отважился возразить Варун, видя, что слова старшего брата уязвили Лату. Он знал, что Лате нравится Брахмпур, хоть это был далеко не мегаполис.

– Замолчи, – грубо отрезал Арун. Он не желал, чтобы низшие оспаривали его суждения.

Варун, борясь с собой, пронзительно посмотрел на него, но затем опустил глаза.

– Не болтай о том, в чем не разбираешься, – добавил Арун.

Варун молча хмурился.

– Ты меня слышал?

– Да, – сказал Варун.

– «Да» – что?

– Да, Арун-бхай, – пробормотал Варун.

Такое стирание в порошок было стандартной платой для Варуна, и Лата не удивилась подобному размену. Но она чувствовала себя ужасно виноватой перед Варуном и страшно злилась на Аруна. Она не могла взять в толк, зачем он так поступает и какое в этом удовольствие. Лата решила, что как только свадьба закончится, при первой же возможности поговорит с Варуном, чтобы помочь, хотя бы поддерживая морально, вынести такие нападки. «Даже если сама я не очень хорошо их переношу», – подумала она и сказала невинно:

– Что ж, Арун-бхай, я полагаю, что уже слишком поздно. Мы все теперь одна большая, дружная семья, и нам придется мириться друг с другом настолько, насколько возможно.

Впрочем, фраза эта была далека от невинности. «Одна большая, дружная семья» – так любили выражаться в семействе Чаттерджи, на что иронически и намекнула Лата. Минакши Мера была Чаттерджи, до того как они с Аруном встретились на коктейльной вечеринке и между ними вспыхнула жаркая, восторженная и изысканная любовь. Через месяц элегантных ухаживаний они поженились, вызвав ужасное потрясение в обоих семействах. Были или не были член Высокого суда Калькутты господин Чаттерджи и его супру-

га рады принять небенгальца Аруна в качестве первого при-
датка в круг пятерых своих чад (не считая пса Пусика), и
была или не была госпожа Рупа Мера в восторге при мысли
о том, что ее первенец, свет ее очей, женился на девушке, не
принадлежавшей к касте кхатри (да еще такой избалованной
снобке, как Минакши), но сам Арун чрезвычайно высоко це-
нил свою связь с семьей Чаттерджи. У Чаттерджи имелись
богатство, положение и огромный дом в Калькутте, где они
устраивали грандиозные (но исполненные тончайшего вку-
са) вечеринки. И даже если «большая, дружная семья», осо-
бенно братья и сестры Минакши, порой надоедала ему сво-
им бесконечным неумным остроумием и импровизирован-
ными рифмованными двустихиями, он принимал это имен-
но потому, что привычки Чаттерджи казались ему неоспори-
мо светскими. И как же далеки они были от этого провинци-
ального городка, толпы Капуров и этих праздников при све-
те гирлянд на живой изгороди с гранатовым соком вместо
спиртного!

– Что именно ты хочешь этим сказать? – взвился Арун. –
Будь папа жив, думаешь, нам пришлось бы родниться с вы-
ходцами из подобных семей?

Аруна, похоже, совершенно не волновало, что их могут
услышать. Лата покраснела. Но подобная грубая точка зре-
ния имела свои основания. Если бы Рагубир Мера не умер в
сорок лет, а продолжил свой стремительный взлет по карьер-
ной лестнице управления железнодорожного транспорта, ко-

гда британцы толпами покидали индийскую государственную службу в 1947 году, то он обязательно стал бы членом Железнодорожного совета. Его опыт и блестящие личные качества могли бы даже сделать его председателем. Семье не пришлось бы так тяжело бороться за существование, как приходилось в течение долгих лет и до сих пор, при помощи иссякающих сбережений госпожи Рупы Меры, доброты друзей и, позднее, жалованья ее старшего сына. Ей не пришлось бы продавать изрядную часть своих украшений и даже небольшой домик в Дарджилинге, чтобы обеспечить детям школьное образование, которое она считала крайне необходимым. Несмотря на ее всепроникающую сентиментальность и привязанность к, казалось бы, вечным семейным ценностям, напоминавшим ей о любимом муже, свойственное ей же чувство жертвенности заставляло материальные ценности стремительно, даже угрожающе, таять и преобразовываться в нематериальные преимущества вроде отличного англоязычного образования в школе-интернате. И таким образом Арун и Варун смогли продолжить обучение в школе Святого Георгия, а Савиту и Лату не забрали из пансиона при монастыре Святой Софии.

Капуры, может, и достойные представители брахмпурского общества, думал Арун, но если бы папа был жив, то все звезды упали бы к ногам семьи Мера. Сам-то он, во всяком случае, победил обстоятельства и преуспел, обзавелся прекрасной родней. Как можно сравнивать брата Прана,

этого ловеласа, болтавшего с Латой, который, как слышал Арун, управлял всего-то магазином тканей в Варанаси, – и, скажем, старшего брата Минакши, который учился в Оксфорде, собирался стажироваться в юридической палате Линкольнс-Инн и, кроме того, был публикующимся поэтом?

От размышлений Аруна оторвала дочь, которая грозила немедленно закричать, если не получит мороженого. Она точно знала, что крик (или даже просто его вероятность) творит чудеса с ее родителями. А кроме того, они и сами порой кричали друг на друга и очень часто – на слуг.

У Латы был виноватый вид.

– Извини, это из-за меня, детка, – сказала она Апарне. – Пошли скорее, пока не отвлеклись на что-нибудь еще. Но пообещай, что не станешь плакать и кричать. Со мной это не сработает.

Апарна, которая точно знала, что не сработает, притихла.

Но буквально в ту же минуту разодетый во все белое жених показался с одной стороны дома. Его темное нервное лицо скрывали свисающие гроздья белых цветов. Вся толпа подалась к дверям, из которых должна была появиться невеста, и Апарне, поднятой на руки Латой-буа, ничего не оставалось, как снова повременить и со сладким, и с угрозами.

1.5

Лата невольно подумала, что это все-таки отступление от

традиций: Пран не подъехал к воротам на белом коне с маленьким племянником, сидящим перед ним, и свитой, следующей за ним, чтобы встретить невесту. Но в конце концов, Прем-Нивас был домом жениха. И даже если бы он полностью следовал традициям, то Арун, без сомнений, все равно нашел бы в этом повод для насмешек.

Лате было сложно разглядеть преподавателя елизаветинской драмы под этой завесой из тубероз. Он как раз надевал гирлянду из темно-красных роз на шею ее сестры Савиты – и Савита вешала такую же ему на шею. Сестра была такая красивая в своем красно-золотом сари, но казалась довольно подавленной. Лата подумала, что, возможно, она даже плакала. Ее голова была покрыта, а взгляд опущен к земле, как, несомненно, ей велела мать. Даже когда она украшала гирляндой человека, с которым должна провести всю жизнь, ей не положено было смотреть ему прямо в лицо.

Вступительная церемония завершилась. Жених и невеста вместе отправились к возведенной в центре сада небольшой площадке, украшенной охапками белых цветов и открытой для благоприятных звезд. Здесь находились священники, по одному от каждой семьи, госпожа Рупа Мера и родители жениха. Все они сидели вокруг небольшого огня, который станет свидетелем клятв новобрачных.

Брат госпожи Рупы Меры, с которым семья виделась очень редко, днем ранее взял на себя ответственность за церемонию браслетов. Арун злился, что ему не позволили ни-

чем поруководить. После кризиса, вызванного необъяснимыми действиями деда, он предлагал матери перенести свадьбу в Калькутту. Но было слишком поздно, и она не желала даже слышать об этом.

Теперь, когда обмен венками закончился, толпа утратила интерес к свадебной церемонии. Действу предстояло продлиться еще добрый час, так что гости разошлись по лужайкам Прем-Ниваса, болтая между собой. Они смеялись, пожимали руки или прикладывали ладони ко лбу. Они собирались небольшими компаниями, мужчины там, женщины тут. Они грелись у заполненных древесным углем глиняных печей, стратегически расставленных по всему саду, пока их прохладное дыхание, насыщенное пересудами и сплетнями, поднималось в воздух. Они восхищались разноцветными огнями и улыбались фотографу, когда он бормотал по-английски: «Внимание!» Они жадно вдыхали аромат цветов, духов и специй, обсуждая новости о рождениях и смертях, о политике и скандалах, устроившись под ярким тканевым навесом в глубине сада, где ломились яствами столы и где они в изнеможении усаживались на стулья, наполнив свои тарелки. Слуги, одетые кто в белые ливреи, кто в одежду цвета хаки, разносили фруктовый сок, чай, кофе и закуски тем, кто стоял в саду. Самосы²⁶, качаури²⁷, ладду²⁸, гулаб-джа-

²⁶ *Самоса* – индийское вегетарианское блюдо, небольшой пирожок с начинкой из овощей и фруктов во всевозможных сочетаниях.

²⁷ *Качаури* – острая закуска, популярная в различных частях Индии и Паки-

муны, бурфи²⁹, и гаджак, и мороженое потреблялись и снова пополнялись вместе с пури³⁰ и шестью видами овощей. Друзья, не видевшие друг друга месяцами, бросались друг к другу с громкими возгласами. Родственники, встречавшиеся только на свадьбах и похоронах, со слезами на глазах обнимались и обменивались последними новостями о десятой воде на киселе. Тетушка Латы из Канпура, пребывающая в ужасе от темного лица жениха, беседовала с тетушкой из Лакхнау о «черненьких внуках Рупы» так, словно те уже существовали, и явно благоволила Апарне, которой, очевидно, суждено стать последней беленькой внученькой Рупы. Тетки хвалили ее даже тогда, когда она уронила ложку с фиштакковым мороженым на свою бледно-желтую кашемировую кофточку. Маленькие варвары, детишки из деревенской Рудхии, бегали вокруг и вопили, словно играли в питху³¹ у себя на ферме. И хотя праздничные завывания шахная утихли, шум счастливой болтовни поднялся до самых небес, заглушая бессмысленные церемониальные песнопения.

Лата, впрочем, стояла рядом и наблюдала с восхищени-

стане: лепешки с начинкой из фасоли с пряностями.

²⁸ *Ладду* – десерт из гороховой (нутовой) муки, топленого сливочного масла, с орехами, кокосовой стружкой и сладкими специями: корицей, кардамоном и мускатным орехом.

²⁹ *Бурфи* – популярный десерт индийской кухни: конфета типа помадки, сделанная из уваренного сгущенного молока.

³⁰ *Пури* – индийские лепешки.

³¹ *Питху* – активная командная игра с мячом.

ем и тревогой. Двое голых по пояс священников, один очень толстый, другой худощавый, явно не восприимчивые к холоду, соревновались между собой в том, кто знает более изощренную форму службы. Так что, пока звезды продолжали свой курс по небу, оставляя в неопределенности благоприятное время, непрерывно звучал санскрит. Толстый священник даже попросил родителей жениха повторять что-то за ним. Брови Махеша Капура дрогнули, – казалось, он вот-вот взорвется.

Лата пыталась представить, о чем думает Савита. Как она могла согласиться выйти замуж, совершенно не зная этого мужчину? Какой бы покладистой и добросердечной она ни была, у нее имелись свои взгляды. Лата горячо любила сестру и восхищалась ее великодушием и даже ее терпимостью. Как разительно отличался ровный характер Савиты от ее собственного переменчивого нрава! Савита не была обременена тщеславием и не тревожилась по поводу свежести и красоты, но неужто она не протестовала против того, что Пран так ужасно, немыслимо некрасив? Неужели она действительно сочла, что матери виднее? Было очень сложно вызвать Савиту на разговор, а порой – даже предположить, о чем она думает. С тех пор как Лата пошла в колледж, сестру ей заменяла Малати, с которой они сблизились. И она знала, что Малати ни за что и никогда не согласится выйти замуж вот так, даже если бы все матери мира совместно попытались ее выдать.

Всего через несколько минут Савита пожертвует Прану даже свою фамилию. Она будет уже не Мера, как все они, а Капур. Слава богу, Аруну не пришлось этого делать. Лата попробовала на язык сочетание «Савита Капур», и оно ей не понравилось совершенно.

Дым от костра или, возможно, пыльца от цветов раздражала горло, и Пран стал слегка покашливать, прикрывая рот рукой. Его мать что-то тихо сказала ему. Савита тоже подняла глаза, мельком взглянув на него, как показалось Лате, с нежной заботой. Она и впрямь всегда была той, кто беспокоится о страждущих. Но сейчас в ее взгляде была особая нежность, которая раздражала и смущала Лату. Боже, да ведь Савита видела этого мужчину лишь однажды, всего час! А теперь и он взглянул на нее с ответной нежностью. И это было уже слишком.

Лата напрочь забыла, что совсем недавно защищала Прана в разговоре с Малати, и начала специально подмечать то, что ее раздражало.

Тот же Прем-Нивас – «обитель любви», для начала. Идиотское название для этого дома браков по расчету, сварливо подумала Лата. И к тому же неоправданно высокопарное название. Этот дом словно возомнил себя центром вселенной и чувствовал, что просто обязан сделать об этом философское заявление. И все же, подумала Лата, пока ее взгляд блуждал от одного предмета к другому, этот небольшой огонь, возможно, и был центром вселенной. Ибо здесь он горел,

посреди этого благоухающего сада, расположенного в самом сердце Пасанд-Багха, самого приятного района Брахмпура – столицы штата Пурва-Прадеш, который находился в центре Гангских равнин, что сами по себе были сердцем Индии... и так далее, через галактики к внешним пределам восприятия и познания. Подобная мысль не казалась Лате банальной, и она помогала ей сдерживать раздражение и негодование в отношении Прана.

– Говори же! Говори! Если бы твоя мать мямлила, как ты, мы бы никогда не поженились, – нетерпеливо подгонял Махеш Капур свою коренастую маленькую жену, которая от этого стала еще менее словоохотливой.

Пран повернулся к матери, ободряюще улыбнулся ей и снова мгновенно вырос в Латиных глазах.

Махеш Капур уgomонился, умолк на пару минут, но затем воскликнул, обращаясь теперь уже к семейному священнику:

– Долго еще будет тянуться вся эта абракадабра?

Священник сказал что-то успокаивающее на санскрите, словно благословляя Махеша Капура, который был вынужден раздраженно замолчать. Сердился он по ряду причин, одной из которых было неприятное ему присутствие политических соперников, особенно министра внутренних дел, погруженного в беседу с дородным и почтенным главным министром С. С. Шармой. «Что они замышляют? – терялся в догадках Махеш Капур. – Моя глупая жена настояла на том,

чтобы пригласить Агарвала, потому что наши дочери дружны, хотя и знала, что это испортит мне жизнь. А теперь еще главный министр беседует с ним, словно никого больше не существует. И это в моем саду!»

Другой крупной причиной его раздражения была госпожа Рупа Мера. Взявшись за организацию, Махеш Капур собирался пригласить прекрасную и прославленную исполнительницу газелей³² выступить в Прем-Нивасе, как это традиционно происходило всякий раз, когда кто-то из его семьи вступал в брак. Но госпожа Рупа Мера, притом что она даже не платила за свадьбу, наложила вето. Она, видите ли, не могла позволить «подобной личности» исполнять любовную лирику на свадьбе ее дочери. В число «подобных личностей» входили, по ее мнению, мусульмане и куртизанки.

Махеш Капур пробормотал свои ответы, и священник мягко повторил их.

– Да-да, продолжайте, продолжайте, – сказал Махеш Капур, сердито уставившись в огонь.

Но теперь мать отдавала свекрови Савиту вместе с горстью розовых лепестков, и все три женщины были в слезах.

«В самом-то деле! – подумал Махеш Капур. – Еще, чего доброго, зальют огонь...»

Он гневно взглянул на виновницу этих слез, чьи рыдания были наиболее неистовыми.

³² Газель – арабская строфа; является самой распространенной формой стихосложения на Ближнем и Среднем Востоке.

Но госпожа Рупа Мера даже не потрудилась заправить платок в блузку. Ее глаза покраснели, нос и щеки покрылись пятнами от плача. Она вспоминала свою свадьбу. Аромат одеколona «4711» воскресил невыносимо счастливые воспоминания о ее собственном муже. А затем мысли вернулись на поколение позже, к ее любимой дочери Савите, которая скоро обойдет с Праном вокруг костра, чтобы начать жизнь в замужестве.

– Быть может, ее брак будет дольше, чем у меня, – молилась госпожа Рупа Мера. – Быть может, она наденет это сари на свадьбу собственной дочери...

Она мысленно обратилась и к старшему поколению в лице отца, что вызвало у нее новые слезы. Никто не знал, на что обиделся семидесятилетний радиолог доктор Кишен Чанд Сет. Видимо, что-то не то сказал или сделал его друг Махеш Капур, но, возможно, дело было и в его собственной дочери. Никто не мог сказать, что именно случилось. Мало того что он отказался от организации свадьбы, он также отказался прийти на свадьбу внучки и в бешенстве уехал в Дели, как он сам утверждал, «на конференцию кардиологов». И увез с собой несносную Парвати – свою тридцатипятилетнюю вторую жену, которая была на каких-то десять лет моложе самой госпожи Рупы Меры.

А еще возможно, хоть это и не приходило в голову его дочери, что доктор Кишен Чанд Сет просто свихнулся бы на свадьбе и фактически сбежал от такой вероятности. Ма-

ленький и сухонький, он тем не менее ужасно любил поесть, но из-за расстройства пищеварения в сочетании с диабетом его диета сейчас ограничивалась только вареными яйцами, некрепким чаем, лимонадом и печеньем из аррорута³³.

«Плевать, кто на меня пялится, у меня множество причин для слез, – с вызовом сказала про себя госпожа Рупа Мера. – Я сегодня так счастлива и убита горем».

Однако ее горе длилось всего пару минут. Жених и невеста обошли огонь семь раз, Савита покорно опустила голову, и ее ресницы увлажнились от слез. Теперь они с Праном стали мужем и женой.

После нескольких заключительных слов священников все поднялись. Молодоженов провели к увитой цветами скамье возле душистого дерева харсингар с шершавыми листьями и оранжево-белыми цветами. Поздравления обрушились на них, на их родителей и на всех прочих Мера и Капуров, которых было на свадьбе столько же, сколько опадающих на рассвете цветов.

Радость госпожи Рупы Меры не знала границ. Она поглощала поздравления так, словно это были запретные для нее гулаб-джамуны. Немного задумчиво она глянула на младшую дочь, которая, казалось, смеялась над ней издали. Или, может, она смеялась над своей сестрой? Ну что ж, скоро и она узнает, что такое слезы радости!

³³ *Аррорут* – собирательное торговое название крахмальной муки, получаемой из маранты тростниковой.

Мать Прана, которой столько людей выкрикивали поздравления, покорная, но счастливая, благословила сына и невестку и, не видя нигде своего младшего сына Мана, подошла к дочери Вине. Вина обняла ее. Госпожа Капур ничего не сказала от избытка чувств, но плакала и улыбалась одновременно. Ужасающий министр внутренних дел и его дочь Прийя присоединились к ним на несколько минут. В ответ на их поздравления госпожа Капур высказала несколько теплых слов каждому из них. Прийя, которая несколько лет назад вышла замуж и которую родственники мужа практически замуровали в старой, тесной части Брахмпура, с некоторой тоской в голосе сказала, что сад выглядит прекрасно. И это было действительно так, думала госпожа Капур с тихой гордостью. Сад был действительно красив. Трава здесь была зеленая, гардении сливочно-белые, а кое-где уже зацвели хризантемы и розы. И хоть она не могла счесть своей заслугой внезапное пышное цветение дерева харсингар, госпожа Капур была уверена, что его оранжево-белые цветы – благословение богов, чьим ценным и оспариваемым достоянием считалось это дерево с незапамятных времен.

1.6

Ее господин и повелитель, министр по налогам и сборам, тем временем принимал поздравления от главного министра

штата Пурва-Прадеш шри³⁴ С. С. Шармы. Шармаджи³⁵ был довольно крупным человеком с сильной хромотой и неосознанным подергиванием головы, усиливавшимся – как сейчас, в конце долгого и утомительного дня. Он управлял штатом, используя смесь хитрости, харизмы и доброжелательности. Дели находился далеко и редко интересовался законодательными и административными делами главного министра. С. С. Шарма явно пребывал в хорошем настроении, однако умолчал о своем разговоре с министром внутренних дел. Заметив маленьких хулиганов из Рудхии, он слегка гнусаво обратился к Махешу Капуру:

– Значит, вы создаете сельский округ для предстоящих выборов?

Махеш Капур усмехнулся. С тридцать седьмого года он избирался от одного и того же городского округа в центре Старого Брахмпура – округа Мисри-Манди, где сосредоточилась большая часть обувных торговых домов города. Несмотря на имеющуюся у него ферму и знание сельского дела, Махеш Капур был первым, кто продвигал законопроект об отмене владения крупными и непродуктивными земельными наделами. Так что было невообразимо, чтобы он покинул свой округ и сделал выбор в пользу сельской местности. В качестве ответа он показал на собственную одежду:

³⁴ *Шри* – господин (хинди); уважительное обращение к мужчине.

³⁵ Окончание «–джи» означает на хинди «уважаемый».

красивый черный ачкан, плотную кремовую паджаму³⁶ и ярко расшитые белые джути³⁷ с загнутыми вверх носами. Все это мало сочеталось с рисовыми полями.

– Ну почему же, для политики нет ничего невозможно-го, – неторопливо произнес Шармаджи. – После того как ваш законопроект об отмене заминдари³⁸ будет принят, вы станете настоящим героем в деревнях. Если пожелаете, сможете претендовать на пост премьер-министра. А почему нет? – сказал Шармаджи великодушно и осторожно. Он огляделся, и его взгляд остановился на навабе-сахибе Байтара, который гладил бороду и недоуменно смотрел вокруг. – Конечно, в процессе велика вероятность потерять пару-тройку друзей, – добавил он.

Махеш Капур, не поворачивая головы, а лишь проследив за его взглядом, тихо сказал:

– Существуют разные заминдары³⁹. Не все из них связывают дружбу и землю. Наваб-сахиб знает, что я действую по

³⁶ *Паджама* – штаны, составляющие часть традиционного индийского костюма, курты-паджама.

³⁷ *Джути* – традиционная кожаная обувь на низком ходу, характерная для северной Индии.

³⁸ Один из аграрных законов, принятых в 1950-е гг. и предусматривающих устранение за выкуп владельческих прав заминдаров и других рентополучателей на земли, находящиеся в пользовании арендаторов с закрепленными законом правами аренды, при этом помещики сохраняют значительные площади т. н. усадебных земель.

³⁹ *Заминдар* – феодальный наследственный держатель земли в государствах средневековой Индии.

своим принципам. — Он сделал паузу. — Некоторые из моих родственников в Рудхии тоже могут потерять свои земельные участки.

Премьер-министр кивнул в ответ на эти слова, а затем потер озябшие руки.

— Что ж, он хороший человек, — снисходительно сказал он. — Как и его отец, — прибавил он.

Махеш Капур молчал. Шармаджи уж никак нельзя было упрекнуть в неосмотрительности, и все же заявление было слишком опрометчивым, если он действительно хотел этим что-то сказать. Было отлично известно, что отец наваба-сахиба, покойный наваб-сахиб Байтара, был активным членом Мусульманской лиги, и, хотя он и не дожил до образования Пакистана, именно ему он посвятил свою жизнь.

Высокий, седобородый наваб-сахиб, ощутив на себе взгляд двух пар глаз, поднял сложенную чашей ладонь ко лбу, вежливо приветствуя, а затем склонил голову набок с мягкой улыбкой, словно поздравляя старого друга.

— Ты не видел Фироза и Имтиаза? — спросил он Махеша Капура, неторопливо приблизившись.

— Нет-нет, но полагаю, я также не видел и своего сына...

Наваб-сахиб слегка поднял руки ладонями вверх в жесте беспомощности. Вскоре он сказал:

— Итак, Пран женат, Ман на очереди. Полагаю, ты считаешь его куда менее покладистым.

— Ну, покладист он или нет, а я уже приискал ему кое-ко-

го в Варанаси, – ответил Махеш Капур решительно. – Ман встретился с ее отцом. Он тоже в текстильном деле. Мы наводим справки. Поглядим, как будет. А что там с твоими близнецами? Совместная женитьба на двух сестрах?

– Посмотрим, посмотрим, – сказал наваб-сахиб, с грустью думая о своей жене, похороненной уже много лет назад. – Довольно скоро все они остепенятся, иншалла⁴⁰.

1.7

– За закон! – сказал Ман, салютуя сидевшему на кровати Фирозу уже третьим стаканом скотча. Имтиаз разглядывал бутылку, развалившись в мягком кресле.

– Спасибо, – сказал Фироз. – Но надеюсь, что не за новые законы.

– О, не переживай, законопроект моего отца никогда не примут, – сказал Ман. – А даже если и примут, ты будешь намного богаче моего. Взгляни на меня, – мрачно добавил он. – Я вынужден тяжело трудиться, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Так как Фироз был юристом, а его брат врачом, они яв-

⁴⁰ *Иншалла* («если на то есть воля Божья», «если Бог пожелает») – ритуальное молитвенное восклицание, междометное выражение, используемое в арабских и других мусульманских странах, как знак смирения мусульманина перед волей Аллаха. Сопровождает высказывание верующего о его планах или событиях, которые должны произойти в будущем.

но не влезали в популярный шаблон праздных сынов аристократии.

– И вскоре, – продолжил Ман, – если мой отец не изменит решения, я буду вынужден работать за двоих. А позже и того больше. О боже!

– Что... твой отец ведь не заставляет тебя жениться, а? – спросил Фироз, и на улыбку его набежала тень.

– Ну, буферная зона исчезла сегодня вечером, – сказал Ман безутешно. – Добавить?

– Нет-нет, спасибо, у меня еще много, – ответил Фироз. Он наслаждался выпивкой, но с легким чувством вины: его отцу это понравилось бы еще меньше, чем отцу Мана.

– И когда же наступит этот счастливый миг? – неуверенно спросил он.

– Бог весть. Вопрос пока только на стадии изучения, – сказал Ман.

– В первом чтении, – вставил Имтиаз.

Почему-то его реплика развеселила Мана.

– В первом чтении! – повторил он. – Что ж, давайте надеяться, что до третьего чтения никогда не дойдет! А даже если и дойдет, президент наложит вето! – Он рассмеялся, сделав пару больших глотков. – А что насчет *твоей* женитьбы? – спросил он Фироза.

Фироз отвел взгляд, будто осматривая комнату. Она была такой же пустой и функциональной, как и большая часть комнат в Прем-Нивасе, которые выглядели так, словно вот-

вот ожидали неизбежного нашествия стада избирателей.

– Моя женитьба! – сказал он со смехом.

Ман энергично кивнул.

– Сменим тему, – предложил Фироз.

– Почему? Ты ведь предпочел уединиться здесь и выпить, а не гулять по саду...

– Сложно назвать это уединением...

– Не перебивай, – произнес Ман, обнимая его. – Если бы молодой и красивый парень вроде тебя пошел в сад, то был бы окружен подходящими молодыми красотками. Да и неподходящими тоже. Они бы налетели на тебя, словно пчелы на лотосы. *Локон кудрявый, локон кудрявый, будешь ли ты моим?*

Фироз зарделся.

– Ты неверно понял метафору, – сказал он. – Мужчины – пчелы, а женщины – лотосы.

То, что процитировал Ман, было куплетом из газели на урду о том, что охотник мог стать жертвой. Имтиаз рассмеялся.

– Заткнитесь вы оба, – сказал Фироз, притворяясь более сердитым, чем на самом деле. Он устал от этих глупостей. – Пойду вниз. Абба⁴¹ будет голову ломать, куда это мы запропастились. Да и твоему отцу тоже будет интересно. И, кроме того, стоит узнать, женат ли уже твой брат и действительно ли у тебя теперь есть красивая невестка, которая станет жу-

⁴¹ Абба, абба-джан – отец (урду).

рить вас и обуздывать ваши излишества.

– Ладно, ладно, мы все спустимся, – весело сказал Ман. – Может быть, некоторые пчелы начнут цепляться за нас. И если кого-то ужалят в самое сердце, рядом ведь есть доктор-сахиб, который непременно сможет нас вылечить. Верно, Имтиаз? Все, что нужно сделать, – это приложить лепесток розы к ране, да?

– Если нет противопоказаний, – серьезно сказал Имтиаз.

– Никаких противопоказаний, – весело засмеялся Ман, идя вниз по лестнице.

– Смейся сколько угодно, – сказал Имтиаз, – но у некоторых людей бывает аллергия даже на лепестки розы. Кстати, о лепестках: ты подцепил один своей шапкой.

– А, правда? – переспросил Ман. – Эти штуки сыплются отовсюду.

– Да уж, – сказал Фироз, шедший сразу позади него. И нежно смахнул лепесток.

1.8

Поскольку оставшийся без сыновей наваб-сахиб выглядел несколько растерянно, дочь Махеша Капура Вина вовлекла его в круг своей семьи, расспрашивая о старшем ребенке – его дочери Зайнаб. Вина и Зайнаб дружили с детства, но после замужества Зайнаб исчезла в мире женского затворниче-

ства, как предписывает пурда⁴². Старик говорил о ней с осторожностью, а о двух ее детях – с нескрываемым восторгом. Внуки были единственными существами в мире, которым позволялось прерывать его занятия в библиотеке. Но сейчас поместье Байтар, известное как Байтар-Хаус, – большой желтый фамильный особняк, находившийся всего в нескольких минутах ходьбы от Прем-Ниваса, сильно обветшал, и библиотека тоже пострадала.

– Чешуйница одолела, знаете ли, – сказал наваб-сахиб. – И мне необходима помощь в каталогизации. Задача стоит грандиозная и в каком-то смысле не очень обнадеживающая. Кое-что из ранних изданий Галиба⁴³ сейчас не отыскать, как и некоторые из ценных рукописей нашего поэта Маста⁴⁴. Мой брат так и не составил список того, что он увозил с собой в Пакистан...

Услышав слово «Пакистан», свекровь Вины, сухонькая, старая госпожа Тандон, вздрогнула. Три года назад ей и всей ее семье пришлось бежать от крови, пламени и забывае-

⁴² *Пурда*, или парда, – морально-этический кодекс, широко распространенный среди женского населения Афганистана, Пакистана, мусульманского населения северной Индии, а также среди некоторых высших каст индусов, в частности раджпутов.

⁴³ *Галиб* Мирза Асадулла-хан (1797–1869) – один из наиболее известных индийских поэтов, писавший на языках урду и фарси, авторитетный знаток Корана и суфизма.

⁴⁴ *Маст* (Мир Камар Удин) – индийский поэт-песенник XVIII в.

мого ужаса Лахора⁴⁵. Они были богатыми, что называется, имущими людьми, однако потеряли почти все, что имели. Им посчастливилось бежать и выжить. У ее сына Кедарната, мужа Вины, до сих пор не сошли шрамы на руках, оставшиеся после нападения погромщиков на колонну беженцев. Некоторые их друзья погибли тогда.

«Молодежь очень вынослива», – с горечью думала старая госпожа Тандон. Ее внуку Бхаскару было всего шесть лет, но даже Вина и Кедарнат не позволили тем страшным событиям испортить им жизнь. Они вернулись сюда, на родину Вины, и Кедарнат нашел себе небольшое дело – унижительнейшее, грязнейшее – занялся торговлей обувью. Для старой госпожи Тандон даже потеря прежнего благополучия была не настолько болезненной.

Она была готова терпеть разговоры с навабом-сахибом, пусть он и был мусульманином, но стоило ему упомянуть приезды и отъезды из Пакистана – и ее воображение не выдержало. Ей стало плохо. Приятная болтовня в саду в Брахмпуре потонула в криках толпы на улицах Лахора, обезумевшей от крови, и в разгорающемся пламени. Ежедневно, а порой ежечасно, она возвращалась мыслями к тому месту, которое все еще считала своим домом. Которое было прекрасно, прежде чем внезапно стало чудовищным. А ведь совсем незадолго до того, как она утратила его навсегда, он казался

⁴⁵ *Лахор* – город и область на северо-востоке Пакистана, на левом берегу реки Рави. Административный центр провинции Пенджаб.

совершенно безмятежным и безопасным, ее дом.

Наваб-сахиб ничего не заметил, но заметила Вина, поспешив сменить тему, пусть даже рискуя показаться невежливой.

– Где Бхаскар? – спросила она мужа.

– Я не знаю. Кажется, я видел этого лягушонка возле еды, – ответил Кедарнат.

– Пожалуйста, не надо называть его так, – сказала Вина. – Он же тебе не чужой, он твой сын...

– Это не я ему прозвище придумал, а Ман, – сказал Кедарнат с улыбкой. Он любил, когда его слегка загоняли под каблук. – Но я буду звать его так, как тебе захочется.

Вина увела свекровь. Чтобы отвлечь ее, она действительно решила заняться поисками сына. Наконец они нашли Бхаскара. Однако он не поглощал все подряд, а просто стоял под огромным цветным тканевым навесом, накрывавшим столы с едой, с восторгом уставившись вверх, на сложные геометрические фигуры – красные ромбы, зеленые трапеции, желтые квадраты и синие треугольники, – из которых шатер был сшит воедино.

1.9

Толпа постепенно редела. Гости, пережевывая пан⁴⁶, про-

⁴⁶ *Пан* – индийская жвачка для дезинфекции полости рта, в которую добавляют гашеную известь, пряности, семена горчицы, тертый орех арековой (бетеле-

щались у ворот. Гора подарков выросла у скамьи, где сидели Пран и Савита. Наконец остались только они и члены семьи – да зевающие слуги, которые убирали наиболее ценную мебель на ночь или упаковывали подарки по чемоданам под бдительным приглядом госпожи Рупы Меры.

Жених и невеста погрузились в собственные мысли. Они избегали смотреть друг на друга. Им предстояло провести ночь в заботливо обустроенной специально для них комнате в Прем-Нивасе, а затем они на неделю уезжали в Шимлу на неделю – праздновать медовый месяц.

Лата попыталась представить себе комнату новобрачных. Предположительно, в ней будет витать аромат туберозы. По крайней мере, в этом была уверена Малати.

«Теперь розы мне всегда будут напоминать о Пране», – подумала Лата. Было совсем неприятно следовать за собственным воображением далее. Мысли о том, что Савита будет спать с Праном, не упростили ситуацию. Это вовсе не казалось романтическим. «А вдруг они слишком устали», – с надеждой подумала она.

– О чем ты думаешь, Лата? – спросила ее мать.

– А, ни о чем, мама, – машинально ответила Лата.

– Ты поморщила нос. Я видела это.

Лата покраснела.

– Не думаю, что когда-нибудь захочу выйти замуж, – вы-

вой) пальмы, мед, лимон, ментол и даже сусальное серебро; также популярна как стимулирующее средство.

палила она.

Госпожа Рупа Мера была слишком утомлена свадьбой, слишком измождена эмоциями, слишком расслаблена санскритом и пресыщена поздравлениями. Короче говоря, она устала настолько, что не могла сделать ничего большего, кроме как смотреть на Лату в течение десяти секунд. Да что же вселилось в эту девчонку, скажите на милость? Что было хорошо для ее матери, и для матери ее матери, и для матери матери ее матери, должно было удовлетворить и ее. Однако Лата всегда была сложным человеком, обладала собственной волей, тихой, но непредсказуемой, – как во время учебы в монастыре Святой Софии, когда она вздумала стать монахиней! Но у госпожи Рупы Меры тоже была воля, и она была намерена поступать по-своему, даже если не питала ни малейших иллюзий насчет податливости Латы.

Но все-таки Лату называли в честь самой податливой вещи – виноградной лозы, приученной цепляться: сначала за семью, а после за мужа. Действительно, когда она была ребенком, то всегда крепко, ловко цеплялась за мать. Внезапно госпожа Рупа Мера разразилась вдохновенным поучением:

– Лата, ты – виноградная лоза! Ты должна будешь увиваться вокруг своего мужа!

Это не возымело успеха.

– Увиваться? – переспросила она. – Увиваться?

В слове прозвучало столько презрения, что мать не смогла удержаться от слез. Как ужасно иметь такую неблагодар-

ную дочь! И до чего же непредсказуемым может быть родное дитя!

Теперь, когда по ее щекам текли слезы, госпожа Рупа Мера переключилась с одной дочери на другую. Она прижала к груди Савиту и громко рыдала.

– Ты должна писать мне, дорогая Савита, – говорила она. – Ты должна писать мне каждый день из Шимлы. Пран, ты теперь мне словно сын, ты обязан взять ответственность и проследить за этим. Скоро я буду одна в Калькутте – совершенно одна!

Это, конечно, было чистейшей неправдой. Арун, Варун, Минакши и Апарна будут всей толпой вместе с ней, в небольшой квартирке Аруна в Санни-Парке. Но госпожа Рупа Мера пребывала в абсолютном убеждении, что субъективная истина превалирует над истиной объективной.

1.10

Тонга постукивала по дороге, и тонга-валла⁴⁷ пел:

– Сердце разбилось на куски – один упал здесь, а другой упал там...

Варун начал тихо подпевать, затем запел громче, а потом внезапно умолк.

– Ох, пой дальше! – сказала Малати, мягко подталкивая

⁴⁷ Тонга – легкая повозка, запряженная лошадью; тонга-валла – извозчик.

Лату локтем в бок. – У тебя приятный голос, Варун. Как перезвон... Тарелок в посудной лавке, – прошептала она Лате на ухо.

– Хе-хе-хе, – нервно рассмеялся Варун. Понимая, что голос его звучит неуверенно, он попытался добавить зловещих ноток. Но не вышло.

Он чувствовал себя несчастным. А кроме того, зеленые глаза Малати и ее сарказм – поскольку это непременно был сарказм – ситуацию не улучшали.

Тонга была набита до отказа. Варун с юным Бхаскаром сидели спереди, рядом с извозчиком; спиной к ним устроились Лата и Малати, обе одетые в шальвар-камизы⁴⁸, и Апарна в измазанной мороженым кофточке и платье. Стояло солнечное зимнее утро.

Старый тонга-валла в белом тюрбане наслаждался сумасшедшей ездой по широким улицам этой малолюдной части города. Совсем не то, что безумная теснота старого Брахмпура. Он начал покрикивать на лошадь, подгоняя ее. Теперь уже Малати сама стала напевать слова популярной песни из фильма. Ей не хотелось обескуражить Варуна. Приятно думать о разбитых сердцах таким безоблачным утром.

Варун не стал ей подпевать. Но чуть погодя он набрался смелости и сказал, обернувшись:

⁴⁸ *Шальвар-камиз* – традиционная одежда в южной Азии, состоит из двух предметов: шальвар (брюк) и камиза (длинной рубахи). Шальвар-камизы могут носить и мужчины, и женщины, хотя их покрой зависит от пола.

– У тебя... чудесный голос...

Чистейшая правда. Малати любила музыку и училась классическому вокалу. Ее преподавателем был сам уstad⁴⁹ Маджид Хан – один из лучших певцов Северной Индии. Она даже Лату втянула, заинтересовав индийской классической музыкой, когда они еще жили вместе в студенческом общении. В результате Лата частенько ловила себя на том, что поет мелодии любимых раг⁵⁰ Малати.

Малати благосклонно приняла комплимент Варуна.

– Ты так думаешь? – спросила она, повернувшись и заглядывая ему в самые глаза. – Очень приятно, что ты так считаешь.

Варун покраснел до кончиков ушей и ненадолго потерял дар речи. Но внезапно, когда они проезжали мимо брахм-пурского ипподрома, он схватил тонга-валлу за руку и взмолился:

– Остановите!

– Что такое? – спросила Лата.

– Ох, ничего, ничего. Если мы торопимся, тогда давай поедем дальше.

– Конечно же нет, Варун-бхай, – сказала она. – Мы ведь просто едем в зоопарк. Давай остановимся, если хочешь.

⁴⁹ Уstad – учитель (хинди).

⁵⁰ Raga – в классической индийской музыке изначальная мелодическая идея, пользующаяся по меньшей мере пятью тонами октавы. Каждая имеет строгие правила восхождения и нисхождения тона, предписанные места для пауз, характерные фразы и т. п.

Стоило им сойти вниз, как Варун, почти не контролируя себя, возбужденно рванул к белому частоколу и уставился сквозь него.

– Это единственный в Индии, кроме Лакхнау, ипподром с направлением против часовой стрелки, – выдохнул он почти про себя с благоговейным трепетом. – Говорят, что он построен специально для дерби, – добавил он, обращаясь к юному Бхаскару, случайно оказавшемуся рядом.

– Но в чем разница? – спросил Бхаскар. – Расстояние ведь такое же? Так какая разница – по часовой стрелке движение или против?

Варун пропустил мимо ушей вопрос Бхаскара. Он начал медленно, мечтательно прохаживаться в одиночку вдоль забора против часовой стрелки, чуть ли не загребая землю ногами.

Лата догнала его.

– Варун-бхай? – позвала она.

– Э-э... да?

– Насчет вчерашнего вечера.

– Вчерашнего вечера? – Варун спустился с небес на землю. – Что произошло?

– Наша сестра вышла замуж.

– А... о... да-да, я знаю. Савита, – добавил он, надеясь сконцентрироваться с помощью уточнения.

– Знаешь что, – сказала Лата, – не позволяй Аруну издеваться над тобой. Просто не позволяй – и все.

Она перестала улыбаться и внимательно посмотрела на него, когда тень пробежала по его лицу.

– Я это просто ненавижу, Варун-бхай. Ужасно видеть, как он тебя запугивает. Конечно же, я не говорю, что ты должен ругаться с ним, или грубить, или что-то еще в таком духе. Просто не позволяй, чтобы с тобой обращались так... ну... как я видела.

– Да, да, – неуверенно произнес он.

– То, что он тебя на несколько лет старше, не делает его твоим отцом, наставником и начальником в одном лице.

Варун печально кивнул, слишком хорошо понимая, что, пока он живет в доме старшего брата, он вынужден подчиняться его воле.

– В любом случае, я считаю, тебе стоит вести себя увереннее, – продолжила Лата. – Арун-бхай пытается всех раздавить, словно он паровой каток, и нам лучше убрать свои жалкие душонки подальше с его пути. Мне самой сейчас довольно сложно, и я даже не в Калькутте. Я просто решила, что лучше скажу это сейчас, поскольку дома у меня вряд ли появится возможность поговорить с тобой наедине. А завтра вы уедете.

Варун знал, что Лата говорит это, исходя из собственного горького опыта. Если уж Арун злился, то слов не выбирал. Когда Лате вздумалось стать монахиней – всего лишь глупое подростковое решение, но ее собственное, – Арун, взбешенный тем, что его грубые попытки отговорить не возымели

успеха, сказал: «Отлично, делай что хочешь, становись монахиней и разрушай свою жизнь. Все равно на тебе никто не женился бы. Ты прямо как иллюстрация из Библии: плоская со всех сторон».

Лата была благодарна богу за то, что не училась в Калькутском университете. По крайней мере, большую часть года она была недостижима для Аруновой муштры. Пусть подобных слов она и не слышала больше, воспоминания о них все равно больно саднили.

– Жалко, что тебя нет со мной в Калькутте, – сказал Варун.

– Само собой, тебе необходимы друзья, – сказала Лата.

– Ну, по вечерам Арун-бхай и Минакши-бхабхи⁵¹ часто куда-то уходят из дома, и я должен присматривать за Апарной, – слабо улыбаясь, сказал Варун. – Я не против.

– Варун, так никуда не годится. – Лата крепко взяла его за понурое плечо и сказала: – Я хочу, чтобы ты гулял с друзьями – с людьми, которые тебе действительно приятны и которым приятен ты. Хотя бы два вечера в неделю. Притворись, что тебе нужно сходить на тренировку или что-то в таком духе.

Лате было не важно, что это обман. Неизвестно, сумеет ли Варун вообще соврать, но она не хотела, чтобы все продолжалось по-прежнему. Она волновалась за Варуна. На свадьбе он казался еще более нервным, чем несколько месяцев

⁵¹ *Бхабхи* – жена брата (*хинди*).

назад, когда они виделись в последний раз.

Вдруг в опасной близости прогудел поезд, и лошадь испуганно шарахнулась.

– Как чудесно, – сказал сам себе Варун, не думая ни о чем другом. Он нежно похлопал лошадь, когда они вернулись в тонгу.

– Как далеко отсюда вокзал? – спросил он тонга-валлу.

– О, да прямо вон там, – ответил тонга-валла, неопределенно указывая на заросшую территорию за пределами ухоженных садов ипподрома. – Неподалеку от зоопарка.

«Интересно, дает ли это фору местным лошадям», – сказал себе Варун. Стали бы бежать другие? Какова разница в возможностях?

1.11

Когда они добрались до зоопарка, Бхаскар и Апарна дружно стали просить покататься на детской железной дороге, которая, как заметил Бхаскар, также ездила против часовой стрелки. Лате и Малати хотелось пройтись после поездки в тонге, но дети взяли верх. В итоге все пятеро, прижатые тесно-тесно, сидели в маленьком вагончике красного цвета – на этот раз, правда, лицом друг к другу, пока маленький зеленый паровозик плыл по рельсам шириной в один фут. Варун сел напротив Малати, их колени почти соприкасались. Малати это забавляло, но Варун был настолько смущен, что без

конца отчаянно отворачивался, глядя то на жирафов, то на толпы школьников, облизывающих огромные, закрученные розовые конфеты на палочках. Глаза Апарны алчно поблескивали.

Поскольку Бхаскару было девять, а Апарне вдвое меньше, у них было мало общих тем для разговора. Потому оба выбрали себе для общения наиболее приятного им взрослого. Апарна, которую светские родители воспитывали, попеременно то снисходя, то раздражаясь, нашла утешение в ровной и несомненной привязанности Латы. В компании Латы она вела себя вполне даже сносно. Бхаскар и Варун тоже отлично ладили, поскольку Бхаскару удалось увлечь Варуна – они обсуждали математику с особым уклоном в гоночные коэффициенты.

Они видели слона, верблюда, страуса эму, обыкновенную летучую мышь, коричневого пеликана, рыжую лисицу и всевозможных крупных кошек. Они даже увидели кота поменьше, леопардового окраса, нервно расхаживающего по полу клетки. Но самым интересным был экзотариум. Оба ребенка горели желанием увидеть змеиную яму, полную довольно медлительных питонов, и витрины со смертоносными гадюками, крайтами и кобрами. И конечно, холодных ребристых крокодилов, на чьи спины некоторые школьники и гости из деревни бросали монеты, пока другие посетители, наклонившись через перила слишком близко к белым разинутым зубастым пастьм, вздрагивали и визжали. К счастью, зловещее

было по душе Варуну, и он повел детей внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.